

ВОСПОМИНАНИЯ

Красота
и благородство

Павлу Владимировичу Массальскому исполнилось бы восемьдесят лет. Через всю жизнь этот замечательный актер и педагог пронес свою трепетную любовь к театру, единственному, родному МХАТУ.

Он окончил театральную студию под руководством Ю. А. Завадского и в 1925 году был принят в Художественный театр. С тех пор никогда с ним не расставался. П. В. Массальский принадлежал к прославленному второму поколению художественников. Ученик К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, он оставался верен заветам своих великих учителей до конца жизни.

Широкий диапазон сыгранных им ролей. Это и Молчалин в «Горе от ума», и Вронский в «Анне Карениной». Это и чеховский Тузенбах («Три сестры»), и горьковский Барон («На дне»), Захар Бардин («Враги»), и толстовский «От автора» («Воскресение»), и Чарльз Сэрфес («Школа злословия» Шеридана), и лорд Горинг («Идеальный муж» Уайльда), и граф Альмавива («Безумный день, или Женитьба Фигаро» Бомарше), и доведенная до острейшего гротеска роль Джингла в «Пиквикском клубе» Диккенса...

Снимался он и в кино. Наибольший успех здесь принесла ему роль антрепренера Кнейшица в кинокомедии Г. Александрова «Цирк».

П. В. Массальский был не только замечательным актером, но и прекрасным педагогом. Весь свой богатый опыт он передавал ученикам — студентам Школы-студии МХАТа, где в течение многих лет он преподавал и руководил кафедрой актерского мастерства.

Предлагаем отрывок из воспоминаний о Павле Владимировиче Массальском народной артистки СССР, Героя Социалистического Труда Н. Сац, вошедших в ее книгу «Новеллы моей жизни», которая выходит в издательстве «Искусство».

ИСКРЫ воспоминаний о Павле Владимировиче Массальском разбросаны по всей моей жизни, а единый поток общения с ним упустила. Странно бывает в жизни! Подросками мы учились с ним совсем рядом, виделись случайно, но каждая встреча запоминалась. В последние годы жили в одном доме, но почему-то не встречались. Теперь, когда его уже нет, так хочется сбегать в памяти каждый штрих общения с поэтом любви к театру, возраставшему, как родная русская почва, лучшие наши стремления...

...Среди наших учителей гимназии было много интересных, даже талантливых. Училась я любила всему, и меня, несмотря на озорство, в гимназии любили и девочки, и почти все учителя. Почти. Как ни странно, ходить на уроки пения было для меня мучением. Музыка от самого рождения заняла драгоценное место в сердце, а Михаил Акимович Слонов почти весь урок заставлял нас петь молитвы с очень однообразным мотивом. Зачем? После каждого урока пения злилась и на себя, и на него... После одного такого урока шла домой вся взъерошенная, «шерсть дыбом». Иду по Скакертному переулку, навстречу мне — красивый гимназист. Фуражку гимназическую вздыбил, чтобы еще выше казаться, а мне уже девочки сказали, что он на год меня младше и, кажется, «рода княжьего».

Павел поздоровался со мной первым, пошел рядом.

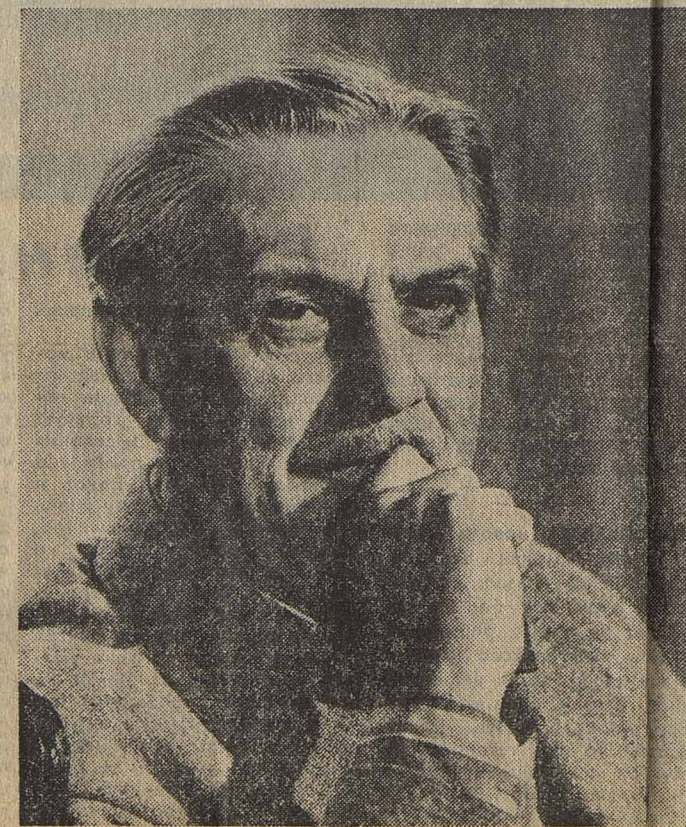
Разговор перешел на Михаила Акимовича, и я, как из уша, вылила всю свою досаду, не соображая, что Слонов — почтенный человек, что мог он преподавать и у них в гимназии, что надо быть выдержанной, тактичной.

И вдруг красивый мальчик вспыхнул, губы стали у него тоньше, злее, голос зезвучал металлически:

— А вы знаете, что Михаил Акимович — композитор, что его романсы и песни сам Федор Иванович Шалапин поет? Понимаете — Шалапин! Михаил Акимович очень добрый. Он меня и сына Юру сколько раз в театр и на концерты даром водил. И вообще... нехорошо, что я даже слушал то, что вы говорили... Я его уважаю... уважаю... уважаю...

Встреч с красивым мальчиком я не искала, смотрела на него, как из окна трамвая. Есть возраст, когда «на год младше» звучит отчуждающе...

КАК-ТО шла... по Газетному переулку, по левой стороне тротуара, и вдруг застыла на месте: со мной поравнялся Василий Иванович Качалов. Мягкое драповое пальто, воротник приподнят, сине-серое

кашше через плечо. Наверное, пройдет, не заметит, и будет обидно. Куда бы свернуть... А тут, как назло, рядом, в воротах, тот мальчик, с которым мы из-за Слонова поссорились, зачем-то стоит.

И вдруг слышу голос прекраснее всех виолончелей мира:

— Здравствуйте, Наташа Сац. Как вы поживаете? — И руку сам Качалов мне протягивает.

Я как-то неловко виолончель в левую руку переложил и отвечаю тихо:

— Здравствуйте, Василий Иванович. Спасибо, что... меня узнали.

— Как же иначе? Я у вас в доме бывал, вашего папу навечно люблю... А вы уже совсем большая стали.

Прохожих в Газетном было много, я подалась с тротуара в глубь ворот и поравнялась с красивым мальчиком — это был Павел Массальский. Величие простоты, доброты Василия Ивановича Качалова, который в те времена сиял над Москвой, как звезда огромной величины, которому поклонялся каждый, кто хоть раз видел его на сцене, потрясли меня и Павла. Качалов считал своим долгом помнить имя и отчество всех встречавшихся ему на жизненных тропах людей. Как и на сцене, в жизни он излучал тепло.

— Какое счастье, что я увидел Качалова так близко, — сказал Павел.

А в подтексте его слов звучало: «Больше всего на свете хочу быть артистом, и самая большая мечта — быть хоть немного похожим на Качалова».

Дети, у которых рано пробуждается воля к их будущему становлению, недолго остаются детьми в общепринятом смысле этого слова. Мы, родившиеся в начале XX века, были детьми особо сложной и одновременно самой счастливой судьбы. Октябрьская революция по-разному задела своими крыльями Павла и меня. Я не знаю подробностей его биографии, но, думаю, знатный род настораживал, а может быть, вера и воля стать артистом и спасали его от многих сомнений...

...Написала и думаю: «Как же так? То, что было далеко в

ры. И не на экране, а только на сцене его родного театра.

Теплым ветерком повеяло на меня услышанное от Софьи Васильевны Халютинной, моей первой учительницы на курсах драмы, что Василий Иванович Качалов очень ценит дарование Массальского, его исключительные данные. Говорила она и о том, что Массальский «со странностями»: при такой внешности вечно хочет «уходить от себя», играть острохарактерные роли, боже упаси, никого и ничего не повторять. Его любимыми словами были: «Заново родиться в каждой новой роли».

Довелось мне видеть Массальского в роли Джингла («Пиквикский клуб» Диккенса), дальше уйти от самого себя, казалось бы, невозможно: пройдох, целиком состоящий из острых углов, с речевыми синкопами. И я опять обижалась, думала: «Таких красивых, как он, сейчас в театре почти нет, а он, точно нарочно, сам от себя уходит, в уродов прячется».

Пожалуй, в первый раз после детства открытыми глазами увидела Массальского в роли Вронского. Я понимала за бывшую во имя его любви все на свете Анну Каренину: он был красив, пылок, чудесно носил костюм и псевдопростоту графского титула. Меня восхищало, как тонко и мудро показал Массальский тот еле заметный холодок, который постепенно все больше гасил страсть графа, оставшегося таким же элегантным, таким же внешне безупречным. Эгоист до мозга костей. Барин прежде всего. В этой роли торжествовали и талант, и культура Павла Массальского, истинного актера Художественного театра. Мне показалось, что он, как никто, передал глубину мысли Льва Николаевича Толстого, говоря своим Вронским: «Ты убил Анну»...

ОН БЫЛ не только артистом, но замечательным учителем сцены, профессором Школы-студии Художественного театра. Он воспитывал своих учеников, я растила из певцов артистов, и как бы мы могли быть нужны друг другу! О суете сует!

...Я вспомнила рассказ об одной журналистке, которая так была потрясена обликом Массальского, что окончила ГИТИС, чтобы потом на всех уроках его сидеть, записывать и хотя бы только глядеть на него. Вспоминаю, какие разные были у него ученики в Школе-студии: Олег Ефремов, Олег Басилашвили, Евгений Евстигнеев, Владимир Высоцкий. Как-то с детства сумел он сохранить за кадычную дружбу с Таней, Борей и Федей Шалапинными, Димой — сыном Качалова... Как замечательно к нему относилась Алла Константиновна Тарасова, особенно ценившая его как партнера в «Анне Карениной»!

Как глубоко, тонко и вдохновенно раскрывал он перед миллионами зрителей главы бессмертного романа Толстого! Много лет тому назад слова «От автора» в постановке Художественного театра «Воскресение» нес зрителям Василий Иванович Качалов. Это было не исполнение, а свершение. Качалов любил Массальского, верил в его дарование, ценил его огромную культуру. Кстати, многие роли Качалова затем перешли к Массальскому — чеховские Гаев и Тузенбах, горьковский Барон. Говорить о Массальском рядом с Качаловым — уже счастье. Но немногие, ныне живущие, слышали гениальное исполнение Качалова. И... чтение П. В. Массальским «Воскресения» стало для меня не впечатлением, а потрясением...

● Народный артист СССР П. В. Массальский.

Фото Н. Агеева.